

**ИВАН
ОБРАЗЦОВ**

**ЗА ГРАНЬЮ
ГЛАЗ**

СТИХИ

БАРНАУЛ 2012

ББК 84 (2Рос-Рус) 6-5
О-232

*Книга издана на средства краевого бюджета
по результатам краевого конкурса
на издание литературных произведений*

Образцов И.Ю.

О-232 За гранью глаз. Стихи. - Барнаул, 2012 г. - с. 112.

Жизнь и Смерть. Любовь и Одиночество. А может быть
просто взгляд в самого себя... Так продолжается путь Поэта.
Поэта и Человека в современном мире.

Об этом в новой книге Ивана Образцова.

ISBN

ББК 84 (2Рос-Рус) 6-5

© И.Ю. Образцов, 2012

© КАУ «Алтайский дом литераторов», 2012

НА ПУТИ СЛОВА

Я только прислушиваюсь - сквозь какофонию и полифонию разноликой жизни за окном - не иссякает ли в связи с этим тяга к красоте и упорядоченности? В потоке слововязи рождаются и прибиваются к обиходу, а потом и к поэзии вроде бы неприживаемые слова...

Таков поэт Иван Образцов с его вольным словесным течением и письменно-компьютерным выражением слов в просторы белого листа. «А как же по-другому быть поэтом?!» - на вскрике души вопрошает он - от лица рожденных в 80-90-е годы двадцатого века, в момент очередной геоперестройки жизненного пространства земного. Не обошла она и поэзию - самую отзывчивую, после музыки, область. Вчитываясь в анти-энтропийные словесные прорывы Ивана Образцова - к изначальному Свету, в «забитом эфире», где «телебашен гудящие копыя», «мосты и деревья», «Новый год и, конечно, зима» - понимаешь, что автору верлибров ведом свет очищения и красоты, и ведет его - извечное чувство Пути...

***Александр ЗУЕВ**, редактор сборника,
член СП России*

Настоящий. Чистый. Откровенный... Поэзия Ивана Образцова осязаема, образы детализированы и многоцветны. Эти стихи можно услышать, нарисовать и даже утолить голод. Голод человека, отчаявшегося найти истинную Поэзию в мире цитат, симулякров, реминисценций и ...чем там еще оправдывают автора, играющего в литературу.

Живое пространство стиха - где смерть, любовь и одиночество во многом родственные состояния - частица Космоса, частица самого Автора. Войти, понять и прожить эти строки... И может мир чуть-чуть измениться к лучшему, и кто-то вдруг вспомнит о Душе.

Юлия РОМАНОВА, составитель сборника, филолог

Иван Образцов - честный и образный поэт. Услышав его стихи впервые, сначала я была немного омрачена настроением в них, но постепенно, разговаривая и подружившись с автором, я стала понимать всю глубину творчества Ивана. Фразы, слова - все в них неразрывно связано с жизнью поэта и человека. «Котята» - мое любимое стихотворение.

Евгения ОКТЯБРЬ - художник и человек

Жаль, что знакомясь со стихами Ивана Образцова, читатель не может слышать его голос. Когда автор читает свои стихи, слушатели неизменно попадают под гипнотическое влияние его поэтического Космоса... и начинается настоящая магия... и тогда чувствуется дыхание вечности, чего-то поистине загадочного и боль-

шого... Но мне повезло, мы с Иваном часто бывали на совместных выступлениях перед публикой, и теперь какое бы из его произведений не взялась читать, я словно слышу, как он в своей неповторимой манере, тихо, меланхолично, значимо доносит до сердца каждое слово. Его стихи могут иметь множество технических погрешностей, но они написаны сердцем, и потому делают нас чуточку лучше, а мир - светлее и добрее...

Юлия НИФОНТОВА, директор Алтайского дома
литераторов, поэт, прозаик, член СП России

Архетипические образы мировой культуры древо и время прочно «прописались» в художественном мире Ивана Образцова. Его поэзия существует именно между этими началами (не случайно они самые частотные), которые вольно или невольно и притягиваются друг к другу. Вероятно, по этой причине в мире Ивана Образцова минимум конкретики, автора интересует движение времени, отсюда и нескончаемая интонация стихотворной строки, строенные эпитеты, которые дают объемную картину Бытия. К оригинальной поэтической технике отсылают и строенные глаголы, не позволяющие прервать движение и четко формализовать окружающее. Доминирование временного плана над пространственным диктует и особую оптику мира: он размыт, не имеет четких границ, излучает разного рода свечение и цветет.

В пользу существования в бытийном времени говорит и диалог с традицией. В выраженной форме -

с Пушкиным, Лермонтовым, Фетом, Гюго, Окуджавой. В скрытой - с Маяковским и Ждановым. Главным достоинством стихов Ивана Образцова является объемность Бытия. Читая их, включаешь все способы восприятия мира: вдыхаешь, осязаешь, прикасаешься, слушаешь, пробуешь на вкус.

***Сергей МАНСКОВ**, филолог*

Поэзия Ивана Образцова - это сплав классического настроения и современной ритмики. Причем, сплав, соединение - это вообще характерная черта для его стихов.

Само напряжение стихотворения держится на системе узлов, схватывающих текст, подобно кристаллической решетке. Узлы же, в свою очередь, создаются с помощью разнообразных художественных средств выражения, перекликающихся между собой. Вот эта перекличка средств и создает гравитацию стихотворения, когда в одном слове сжаты множество смыслов. Стихотворение пульсирует за счет внутренних рифм и ритмов, оно излучает фотоны значений. Очень часто стихи созданы в виде нарастающей к последней строке лавины, либо накатывающих и отступающих волн. Другой способ - замыкание на начало, то есть - круг, и именно в этих стихах речь обычно идет о часах, о времени...

***Андрей КУЛИКОВ**, критик, член закрытого
литературного клуба «Синяя Собака Ра»*

ЛЮБОВЬ...
ЧТО ЭТО?

Вот, после дождя я вернусь, обязательно,
светлый и тихий,
и детское сердце мое будет радо любому из вас,
и рыжее солнце зароется в цвет облепихи...
Все будет - сейчас.
Вот так будет греть и смеяться, упав на ладони,
оранжевый луч и вдали загудит пароход-контрабас,
и будут стрижи упиваться небесной погоней...
Все будет - сейчас.
Вот, счастье, которое жадно прекрасно
большими глотками
я петь буду, пить буду, так, чтобы слезы из глаз,
но не удержать ни словами, ничьими руками
мгновенье - сейчас.

* * *

Если ты эти черные ночи
не знаешь, не встретишь,
если я эти белые дни
никому не оставлю.
Только к вечеру ветер,
один холодеющий ветер
задевает плечом,
и скрипят незакрытые ставни.
Если ветер нас бросит,
смешно, даже ветер нас бросит,
все равно я тебя
никогда и нигде не забуду.
Навалилась и тлеет
моя ненасытная осень,
нелюбимый ноябрь -
практически личный Иуда.
Я тебя никогда!
пока дышится воздухом черствым,
я тебя не оставлю,
не брошу, не выдам, не сгину.
Не отдам ни живым,
ни, тем более, прошлым и мертвым,
и еще, я тебя никогда,
никогда не покину!

* * *

И под ногой хрустящий снег
живой сиреневый холодный.
Нет, я тебя любил свободно,
я совершал с тобой побег
туда, где бабочки летают
и Фетом в школе не пытаются.
Но снег, весь этот снег
хрустит, не тает...
И ты, и я - мы исчезаем,
так незаметно одиноко остро,
а потом, потом
качает ветром мачтовые сосны
и голубым платком
нам машет небо вслед.
Почти - случайно, незаученно, нелепо
мы говорим про свет,
про бабочек, про Фета и про это.

* * *

Но отсюда не выйти, не вырваться и не убежать,
Я скажу тебе больше, твоя шелковистая прядь,
Только повод, сказать, рассказать о рассыпанном
снеге,
Фиолетовом снеге, хрустящем от наших шагов,
Повторить, что искусство поэзии требует слов,
Запахавшихся слов, задохнувшихся
в собственном беге.

Ну, а что же здесь ты - оперевшись плечом
о косяк,
И все смотришь, все смотришь, так грустно,
измученно так,
Словно я тебя звал, словно я тебя вырвал из неги.

Но постой, подожди, задержишься на проклятом
пороге.
Это требует слов - о любви, о разлуке, о Боге,
О какой-то особой тревоге, на уровне снов,
Разноцветных, озвученных снов, одиноких,
немногих.

А потом я проснусь, перестав проговаривать
вслух
Твою нежность, и прядь, и дрожание розовых рук -
Я проснусь на рассыпанном, теплом,
сверкающем снеге
Твоих шелковых вьюг.

* * *

Быть культурным, не значит скучным,
а я пытаюсь найти систему
чего-то лучшего
и соскальзываю каждый раз
в твои измерения.
Допустим, что я океан культуры,
такой огромный,
с медузами и дельфинами
и все это
в контексте планеты,
даже если в пределах квартиры...
Любовь.., что это?
Какие-то мысли,
может переживания,
может желания отрываться куда-то,
видимо, от земли,
видимо, вверх,
где ты - во мне.
Ты...
Во мне...
СУЩЕСТВУЕШЬ...

* * *

Только ты или я - здесь останется это не важным,
и река утекает с листа - я ее рисовал.

Ты поешь так, о, Господи, так лебединно.

Мне страшно
срифмовать твою песню, зеленых кузнечиков,

солнца овал
на воде, а еще, стрекоза золотая сидит на ладонях -
то есть, все это «на», завершено, снаружи, извне.
Я тебя обхватил, взял в охапку и даже не понял,
что снаружи и я, как плывут лепестки по воде.

Лепестки облетающих медленно ивовых листьев -
твоя песня, о, Господи, я рисовал этот звук,
потому что не мог передать, удержать,

перечислить,
потому что и ты ускользала из замкнутых рук.

Вот, и ты уходила - прощалась, летела, звенела -
а я, просто смотрел на тебя, зажимая в руке
лебединые звуки, остатки воздушного тела,
лепестков, уплывающих медленно, вниз по реке.

* * *

А я тону во всех своих стихах,
Тону, как в волшебстве последнем;
А я тебя хочу оттуда вынести в руках -
Не стать Орфеем;
Но отчего же ты прозрачна и чиста,
И все струишься между пальцев тонко;
И отчего же я - смотрю, как красота
Теряется в потемках
Четверостиший или между строк;
А я тяну к тебе свои больные руки,
А я все говорю с тобой, когда замолк
Уже мой голос и другие звуки
Уже замолкли в том, что сердцем было.
Ты заberi или махни рукой,
Скажи, что ты любила, позабыла и простила,
И отпусти домой,
меня домой.

* * *

Расстегнув временные пряжки,
Забегая вперед лучей.
Черный кофе, дымящийся в чашке,
Вкусом губ твоих горячей.
Вкусом губ твоих горячей
И неровный огонь торшера.
А ноябрь в игре теней -
Дальний план, темнота партера.
Приникая всем жаром тела,
Превращая и вздорность в страсть,
Задыхайся, ведь ты хотела
В этот ласковый бред упасть.
В этот ласковый бред упасть,
Сбросив все, что тебе мешает.
Дальше - больше - и речь сплелась,
Губы плавятся, губы тают.
Поцелуй, всего лишь в висок,
Он в упор убивает, сразу.
Посмотри, одеждой у ног
На полу разбросался разум.
На полу разбросался разум.
Электричество сердца в груди,

Там не кровь, там бушует плазма
И молитва - «Не уходи!»
Бейся в судорогах - зной и ветер.
Проводя рукой по щеке,
Поджигая каштан в руке,
Расскажу: «Мы одни на свете...»
Ты и я - мы одни на свете.
Вся реальность - ночная тайна.
Задыхайся, вдыхая ветер...
Губы плавятся, губы тают.

* * *

Голоса станционных прибытий
На веселье приветствий помножены.
Ну, а в наших границах событий
Возвращения невозможны...
Ты бродила по скверам намокшим,
Захлебнувшись в волнах бордовых,
Допоздна, до нервической дрожи,
До шуршания в гаснущих кронах.
Ты, наверно, меня проклинала,
Ненавидя до кончиков пальцев.
Ты устала, ужасно устала
От способности просто кончаться,
Как кончаются сны и мгновения,
Как... любить никогда не возможно...
Я тащился в вагоне купейном,
Я тебя полюбил, как нарочно.

* * *

в твое отсутствие
легко выламывать черные камни из души.
думаю, ты бы была не против.
кстати, пиши не пиши,
все равно - готика.
хотя, разглядывать тебя всю,
с линиями и без линий,
тоже своеобразный вид
перед даром природы бессилия.
прощай вчера, прощай - проехали.
телефон передает твои знаки.
во дворах бродячие собаки
слышат отзвуки вчерашнего смеха.
а я валяюсь на волнах кровати,
слушаю летнюю воду,
представляю тебя в платье.
ну, или хотя бы с белыми длинными
снежными лентами на поясе.
а с Южного полюса
приходят странные образы.
экспрессия формы
диктует сознанию

контрасты белого содержания
на черном.
лицо и волосы,
и ожидание звука твоего голоса.
все пройдет, все отпустит,
разум когда-нибудь победит.
только возможность,
она всегда лучше грусти.
но возможность сама грустит,
тихо где-то грустит.

* * *

Уходить - не заставить.
Обнимать безутешно
в форму розовой шали
неукрытые плечи.
Вкусом сладкой черешни
в заклинаниях, в танцах
обжигаться, но крепче
и опять обжигаться.
Быть не первым - последним.
Статистическим током
ударяться в ладони.
Узнавать, что - жестоко.
Удержаться руками,
чтобы крепко и страшно.
Быть последним, не крайним,
знать, как все это важно...
Я до боли сжимаю
твои белые плечи.
Ты останешься тайной
и наполнится вечер
обреченным на вечность
вкусом сладкой черешни
откровенной и грешной,
откровенной и грешной.

* * *

Как плачет осенним тополем
любовь моя всхлипом, всплеском,
и крона ее растрепана -
поражена небесным,
синим небесным цветом -
как будто раньше не видела,
как будто бы раньше не было
яркой звезды в зените.
Я, может быть, и не встал бы,
и не услышал бы всхлипов,
но ветер стучался в ставни
и их раздвигал со скрипом.
Любовь моя, выше сил
мне биться - я где-то сбился,
я всех пожалел, простил,
себя же - не научился.

Как плачет осенним тополем
любовь моя всхлипом, всплеском,
и крона ее растрепана
чем-то уже небесным.

* * *

Осенний мутный час щербатый,
И запотевший взгляд во двор,
А ночь совсем не виновата,
Что я несу весь этот вздор.
Я говорю, и штора дышит,
Переливаясь в полутьме.
Ты относительно не слышишь
И водишь пальцем по кайме
Уже остывшей чашки чая.
Прости, мне время уходить.
Ты ничего не отвечаешь.
Я не могу тебя винить.
Исчерпан повод оставаться.
Холодный чай, недобрый час.
Но долго будет отзываться,
На дно садясь в неровном танце
Листок души за гранью глаз.

* * *

В ладонях росчерки судьбы,
Шепча чуть слышно, ты читаешь...
На камни падают цветы -
Ты неизбежно убиваешь!
Зачем ты знаешь наперед,
Зачем пророчишь мне сурово,
Что впереди разлука ждет?
Разлука слишком мне знакома!
Как капли крови на губах,
Как слезы в горле застревают,
Так ты твердишь о вещих снах,
Так я - о счастье забываю.
И жгут ладонь черты судьбы,
Стучат в виски удары крови!
Ты - смерть и боль! Зачем же ты,
Зачем зовешься ты Любовью?!

ПАРИЖ ГЛАЗАМИ ВЕЧНОСТИ

Из глазниц, как из скважин замочных,
Обыватель парижский глядит.
Антрацит и испанские очи,
Где частицами каждый флюид.
Белоснежны земные просторы,
Что людские им жизнь и молва.
В кабаках полупьяные споры -
Может быть Эсмеральда жива?
И уносит трескучее поле
Первозданного взрыва миров
Горбуна, опьяненного болью,
Гул соборных колоколов.
Ничего не зовите любовью
Эсмеральда, и та умерла,
Лишь гуляет по белому полю
Свет - частица, она же - волна.

* * *

Покидая пределы тюрьмы,
Обретая чуть-чуть отчужденья,
Были мы только два отраженья,
От того, кем тогда были мы.
В лабиринте панельных домов,
Заблудившись бродили две тени
Отраженьем того, что смотрели,
Отражением собственных снов.
А законы предельно просты -
Где предел никому не известен -
Я тебя удаляю из песен,
Но в стихах отражаешься ты.

* * *

За все, за все тебя благодарю...

М.Ю. Лермонтов

1

За все, за все тебя благодарю,
За все твои рассветы и закаты.
На волю, на речные перекаты -
Я всю тебя свободе отдаю.
Пусть с губ слетит последнее «люблю».
Поверь, ни ты, ни я не виноваты,
Что ночь сковала темно-синей ватой
Последнюю нескучную зарю.
Всех дней моих неровных череда -
Сближения, прощанья, расставанья,
В них брошены из вороха признаний
Два слова - навсегда и никогда.
Ты видишь, дождь скребет меня слезами
За то, что счастье прожито не нами.

2

За то, что счастье прожито не нами
Мы платим слишком дорого порой.
Ведь сколько раз я говорил «постой»,
Сам - уезжал чужими поездами.

Японские стихи и оригами
И желтых фонарей печальный строй.
Ты помнишь, говорили мы с тобой,
Что дышит ночь осенними цветами.

Теперь мне слишком ясен этот смысл.
Издавека, на крае горизонта,
За линией бушующего фронта
Малиновым огнем закат повис
И гладит землю алыми руками,
Когда тыходишь тихими шагами.

3

Когда тыходишь тихими шагами,
Темнеют взгляды старого окна
И прячется на время тишина,
Постукивая пыльными часами.
А город, переполненный огнями,
Тасует надоевшие слова,
Тогда осознаю, как дважды-два,
Что жизнь не излагается стихами.

Я лезу на заброшенный чердак.
Все это и убого, и печально.
Я так погряз в реальностях и тайнах,
Вокруг - неразбериха и бардак.
Я слишком зря и много говорю,
Когда тебя забыл и не люблю.

4

Когда тебя забыл и не люблю,
То оправдания просто неуместны.
Мне остается быть предельно честным
И вспоминать обманчивость твою.
И я лапшу китайскую жую,
И тупо обретаю неизвестность.
Сейчас мне ближе черная небесность,
Сейчас я звезд совсем не признаю.
Конечно, это признаки хандры,
Депрессии и прочих отклонений,
Но ты ответь, какой жестокий гений
Придумал эти правила игры?
Вся жизнь моя приравнена к нулю
За то, что тихой смерти я молю.

5

За то, что тихой смерти я молю
Мне кто-то шепчет голосом ужасным,
Бормочет: ты торопишься напрасно,
Не стоит суетиться на краю.
Рука руке набила колею
Изрезанными тропами препятствий.
Увы, ты убеждала слишком страстно
Меня, что мы не встретимся в раю.
А дальше, ты ушла совсем без слов,
Оборвала себя на полпути.
Что ж я заладил, милая, прости,

Я был не прав, не чуток., не здоров.
Ты где-то там, небесность между нами,
Нас ночь целует влажными губами.

6

И ночь целует влажными губами.
Сырая ночь, промокшее окно.
Вокруг все тихо, тихо и темно,
Лишь кислород по венам пузырями.
Я знаю, есть границы меж мирами,
Я это понял ясно и давно.
Вот, только унизительно одно,
Что вечность измеряется нолями.
Постой мгновенье, перья и огонь
На миг объединяет резонанс,
А дальше, звук меняется на газ.
Я представляю, взбадривая боль -
В кровать упершись детскими ступнями
Ты делишься с другим своими снами.

7

Ты делишься с другим своими снами?!
Довольно интересная деталь!
Обманывает снова календарь
И обещает счастье под Тельцами.
Я брежу непечатными словами,
Я проклиная август и январь.
И, перебрав известный мне словарь,
Спиваюсь нецензурными речами.

Наедине с собой всегда легко
Копаться в прошлом, речи составлять
И думается, что же, твою мать,
Пенять, когда сбежало молоко.
Ты сны свои забросила в зарю,
А я свои - твержу лишь ноябрю.

8

А я свои твержу лишь ноябрю
Стихи и сочинения о лете.
Но к осени хватает пустоцветья
И потому сентябрь весь в раю.
Я лето не особенно люблю -
Мне легче спать ложиться на рассвете,
Когда сентябрь находится в рассвете
Всех сил своих и радуется дню.
Ведь можно обмануться и с умом,
А поточней - со знанием и делом.
Душа, ей тоже нужно между делом
Немного отдышаться, а потом,
Картина зашевелится внутри -
Ночь спустится и включит фонари.

* * *

Вот, напротив меня только ты, и я
в пальцах салфетку твою комкаю,
но разве об этой любви, моя милая,
ты говоришь.

Не знаю,
что нам останется после балов,
после вокзалов, улиц.
Хоть это, конечно, тоже не мало -
блестки от поцелуев.
Только так тесно и так некстати,
и никому нет дела.
Только бы тихо уснуть в кроватях.
Только бы было тело.
Ангел опустится на подоконник,
сядет и сложит крылья -
он и не знает, что спит терновник
в каждой пустой квартире,
а под терновником ждет змея -
жадная-личная-злая!
Но разве об этой любви, моя милая,
я от тебя знаю.

* * *

Подожди, между прочим, мы просто устали,
Отвечая за то, что звучит в этом мире,
Что во всем есть предел, в том числе и в печали,
В том числе, пролегая по нашей квартире.
Ведь никто не ушел, ведь всегда остается,
Пока смотримся мы в отражения стекол,
Мягкий свет в глубине глаз, похожий на солнце,
Будто отблеск ночного подлунного тока.
Только ты будешь тихо листать эти письма
И бросать как золу, и смотреть обреченно,
Как луна отражает застывшие числа,
Фонари городские, витрины и окна.
А в панельных ночных лабиринтах домов
Будут молча склоняться забытые тени,
И луна, пробираясь по складкам постели,
Станет отблеском собственных прожитых снов.
А была ли любовь - я твержу неустанно,
И я еду, я еду к тебе неизбежно,
И опять вижу сны, фонари и вокзалы,
А за окнами падает город мой снежный.
У всего есть предел, но всегда остается,
Пока смотримся мы в отражения стекол,

Тихий отблеск луны и ночного потока,
Мягкий свет в глубине, так похожий на солнце.
У всего есть предел, но всегда остается
Тихий свет в глубине, так похожий на солнце.
Но всегда, но всегда, но всегда остается
Тихий отблеск в глазах, так похожий на солнце.

ДРАМАТИЗМ

Дорогая моя, послушай,
в мире по горло драмы.
Я не то чтобы против,
но как-то здесь неуютно.
Поэзия не искусство,
а только возводит храмы.
И так иногда бывает,
что пишет стихи попутно.
Дорогая, не спорь, не надо,
я и сам понимаю,
Что ничего не понял
в непонятности жизни.
Драматизм - не трагедия,
и колятся трамваи
По задворкам сознания,
по городам Отчизны.
Мне чужого не нужно
(пусть простит Окуджава),
Я говорю трамваи,
то есть - об одиночестве.
В кухоньке коммуналки
в супе плавают лавры,

Я говорю Отечество,
не говоря об отчестве.
В Старом Свете возможно
лучше, чем в Новом Свете,
Там и историй больше,
хоть посуровой климат,
Там умирал художник,
бывший за тех в ответе,
Кого мы приручали,
но приходилось кинуть.
Безусловно, драма -
древнейшее на планете
Искусство противоречий,
чаще - несовпадений.
Драму играют судьи,
зеки, врачи и дети,
Драму играет каждый,
даже бездарь и гений.
Дорогая моя, послушай,
в мире по горло драмы.
Скорей, я больше - не против
вот при таком раскладе.
Осень перекипает
в створках оконной рамы.
Драма в затылок смотрит,
драма нависла сзади.

* * *

Нам дано: по краям разлететься
Необъятной России моей, -
И не может никак напиться
Сердце, сердце среди людей.
Нам дано: в набираемых кодах
Оборвать телефонную связь
И включать без разумного повода
Тот знакомый, попсовый вальс.
Нам дано: ни минуты покоя,
Черный пепел, багровая страсть
И бетонные пни новостроек,
Кинозалов раскрытая пасть.
Нам дано: неизбежность исхода,
Теснота замороченных дней.
И дана, Богом или Природой
Власть, суровее и нежней,
Чем любовь...

* * *

Храня тепло, рука летит,
И ночь - в преддверии побега,
А Вы меня не отпускаете,
И лилии на фоне скатерти
Белее утреннего снега.
Стекло, за инеем - шары
Набухли желтым, синим, красным,
Полет материи атласной
И продолжение игры
«Я Вас люблю...»
В конце строки,
Простите мне земную слабость:
Шары, цветные маяки,
Миры, сближения, усталость -
И где-то слово реализм,
Да и вообще любое слово.
И бьются вьюги о карниз.
Ну что ж Вы плачете!
И снова -
Храня тепло, рука летит,
И ждет, хоть наугад, ответа.
Стекло рождает новый вид

Его молчание не злит,
И чуть осталось до рассвета.
Летит, не самолет, но миг,
Стучит не маятник, но время.
Я ни к чему здесь не привык,
Мы рядом, близко, мы впритык.
Мы одиноки, в самом деле.

* * *

Три глотка через тоненький край
густоты непьянящего виски -
это больше, чем слово прощай,
чем неслышный уход по-английски.
Взмах руки и законченность фраз -
разориться бы этим молчаньем.
Выше уровня сложности в нас
цвет гирлянды подарочной в зале.
Новый год и, конечно, зима
заметают мосты и дома,
телебашен гудящие копы.
И прямой забивают эфир,
навалившись на маленький мир,
между хлопьев летящие хлопья.

**И ЭТОТ ЗВОН
ПОГАСШИХ
ПЕСЕН...**

* * *

На острие иглы пуховый ангел
толпился сам с собой, неугомонный,
не плакал, ни о ком уже не плакал,
не звал и не стонал.

А тучи скопом
над ним висели. Падал резкий снег,
пронзительный, колючий на восходе.
Два лебедя пластмассовых на взводе
взлетали много лет с площадки детской
и клювы раскрывали в глубину,
сегодня - туч,
а раньше - небосвода.

Высокий ангел, словно воздух горный
он не вдыхал, он жил воспоминаньем.
Смотрел большими синими глазами
одно мгновение и, не узнавая
здесь ничего. Холодный серый город,
безликий город снов и магазинов.
Троллейбусов нагруженные спины,
нет, не морозом, тягостью напавшей
вчерашней и еще позавчерашней,
и тем, что будет завтра - тоже в тягость.

Сутулых спин нагруженная слабость.
Не видел ангел тьмы, не видел света -
осколки человека по приметам...
Смотрел большими синими глазами
последний ангел из неугомонных,
потом взлетел
и скрылся за вагоном
на север уходящего трамвая.

ЭССЕИЗМЫ

1

Обычный вечер в несколько штрихов,
Который сохраняется в эскизах,
Где запах ветра с запахом духов
И мертвый надоевший телевизор.
Абстрактен бог помянутый во сне -
Обычная, сознательная кома.
И сердце помогает голове
Отсчитывать удары метронома.
Засевший в подсознание гороскоп,
Избитый алгоритм мостов и лестниц,
В ноябрь окончательный соскок,
Вода и дым, и смерти целый месяц...
Гори и тай, под снегом и дождем
Моя звезда пленительного счастья.
Зачем, зачем так мало солнца днем,
Но много в небе льда и безучастья?

2

Высокий рейтинг пошлости и зла
Замешан на подаче материала.
Я пью. Один. И ты - вчера ушла,
А мне об этом даже не сказала.

Как горек мир и как страшна война,
Как много жертв по классам и разрядам.
Передо мной валяется «ушла»,
Качается вином из винограда.

И вот, я рву связующую нить
С реальностью вина передо мной.
Не воскресить звучит, как не любить -
Уходят боги лунною тропой.

Замученный, раздолбанный асфальт
На входе полутемного подъезда -
Наглядная попытка рассказать
Бессмысленность попыток переезда.

Все это, вместе с резкостью извне
На грустные наводит размышленья.
Мерещится, что истина в вине,
Что истина - кошмар алкоявлений.

И лопаются лучшие умы,
Когда вина в конец строки вращается.
Наличие затаканного «мы»
Проблемы одиночеств не решает.

Слова чужих - кривые зеркала,
Все остальное - ужас отражений.
Ты не искала счастья, ты ушла,
Измучившись сама от униженья.

И было символично сознавать
Свою причастность к данному процессу.
Меня коробит слово «поэтесса»
С претензией чего-то отражать.

* * *

Даже эти газеты, что криво прилипли к стеклам,
в меня упрутся взглядами фотографий
блеклых от времени, из типографий блеклых,
из какой-то страны, где блеклые типографии.
Из страны, что снежинки множит, обычно

в стиле

барокко, больше с оттенками голубого,
если же вечер, то больше оттенков синего
на крыльце подъезда, где не было домофона.
Только это не повод вокруг разводить мистерии,
ведь отдельная память не стоит обычно яйца
выеденного из сердца самой материи,
той, у которой портной не найдет конца.
Как «тебя не люблю» залегло навсегда за прошлым,
как за дверью шкафа висит знакомый скелет -
бесконечен снег и стены, пропахшие кошками,
бесконечны окна с изображением газет.
Но глядишь и видишь там, за стеклянной рамой
зеленеют кусты обычной белой сирени,
там бывает вечер заполнен густым туманом,
а ночами луна бывает на самом деле
очень похожа на блин с деревенским маслом.

Стрекотание доходит до апогея
жизни цикад. Простынь поверх матраса
белее тебя на ней, снега белее.

Что тогда уповать на отдельно взятое прошлое,
да и кем оно взято отдельно - самим собой,
что отдельно сидит и помнит соседских кошек,
из той самой страны, из какой-то, но все же той.

* * *

И от Малой Олонской рукою подать до Речного,
где ныряют под мост катера по-осеннему плавно,
а я больше не новый - я их провожаю без слова,
и без жеста я их провожаю в речные туманы.
А ведь, правда, что там остается, на глади свинцовой,
кроме следа осеннего, кроме осадка разлуки?
А на Малой Олонской уже не осталось знакомых -
и я еду в автобусе, грея дыханием руки.
И я грею дыханием эти застывшие звуки.
И я перечисляю запутанных судеб смятение.
Тополя у Речного, киоски, бутылки, окурки -
вот и все, что осталось в следах и осадках осенних.
И от Малой Олонской рукою подать до Речного,
где ныряют под мост катера по-осеннему плавно -
а я больше не новый - другой, но, конечно, не новый -
и осеннее солнце встает и плывет над туманом.

* * *

Темнота между сосен,
гуденье в ушах задохнувшихся звуком -
значит, нет ничего,
значит, не было смысла кричать о разлуках.
Значит, все остается
таким же, как было вначале,
значит, не было смысла
себя вспоминать на прощанье.
Своего серебра
даже больше, чем нужно, чем лун отражений
на поверхности рек,
на стакане воды, на полу - в завершении.
И когда танцевал мотылек
по прохладности матовой лампы,
ты себя точно так же
не мог отыскать в освещении рамы.
Это лето прошло
полуночным дождем, послесловьем подстрочным,
это уличной сырость стены,
это звезды как точки.
И опять ты один на один
с отраженьем в пластмассовой раме,

уставая, проводишь рукой по щеке,
вспоминая о раннем:
а была ли нужда
календарь отрывать, запасаясь бумагой,
если вышел глагол
движением вспять, убегающим знаком,
если даты родных
остаются в тебе, прибавляя затмений,
если даже лучи
убегают назад без надежд к воскресенью.
И тогда для тебя
петь о собственных днях (в неимении другого)
будет лучше прохладной любви в фонарях
мотылька золотого.

Вот снег, первый снег - двадцатое октября,
И пятна земли, и вечнозеленые стебли осоки.
А я никогда не любил проводить
в своей школьной тетради поля.
Я был слишком длинный, а мама сказала - высокий.
И вот, я торчу из-под снега, из черной земли,
Торчу на полях, слишком вечнозеленый и длинный,
А мама моя и какие-то люди чужие под снегом легли
И мне это так все по-детски обидно, обидно.
И вечером, дома, уткнувшись в родное плечо
Твержу про себя - моя светлая, в этой тревоге
Меня не оставь и не пожалей ни о чем,
Скажи, что я вовсе не длинный, а твой и высокий.

* * *

Солнце мое, зачем же ты встало.
Солнце мое, зачем же ты встало,
вылезло из груди и растаяло.
Солнце мое, зачем же ты встало.
А я ходил по земле, но не красной была моя земля,
а черной была, жирной, смолистой.
А я все искал самого себя,
белого и пушистого.
В моем городе плакал ребенок.
Ребенок маленький плакал в хлеве.
Солнце мое, зачем же ты встало.
Солнце мое, зачем же ты встало,
вылезло из груди и растаяло,
плакало над деревьями.
В яслях, золотом, пшеничными зернами,
детскими погремушками,
рядом с телятником и жеребенком,
голосом человеческим ребенок
плакал в помещении душном.
Солнце мое, боюсь за тебя -
кто-то придет и все твоё золото,
на жеребят, на теплых телят,

на золотые подковки и кольца ровные,
возьмет, переплавит,
сладкий, ласковый, добрый.
Солнце мое, я буду прочным,
крепким, прозрачным, буду усталым.
Вылью для всех колокольчики,
золотые, звонкие колокольчики,
сам колокольчиком стану.
Солнце мое, зачем же ты встало.
Солнце мое, зачем же ты встало,
вылезло из груди и растаяло,
солнце мое...

* * *

Я памятник себе воздвиг нерукотворный

А.С. Пушкин

И это Болдинская осень
Твоя, твоя, ничья другая.
И это тополя до края облетают,
Земля сырая.
И черные вороны утепляют гнезда.
Ты помнишь эти гнезда?
А помнишь, в сентябре, в конце бывают
звезды

Из-под дождя рассыпаны так просто,
Так запросто и масленно горя
На крае сентября...
Ну что, мой друг, тебя пугают бесы?
Нет, не пугают, только все ведут, ведут,
Ведут коня по полю к лесу,
Туда, где ждут
Поп и невеста в старой деревенской церкви -
И знаю я,
Когда-нибудь у алтаря она возьмет меня,
И все мои стихи на старенькой повозке
потащит гробовщик.

Ах, бедный русский мой язык,
Рассыпанный по свету.
А как же по-другому быть поэтом.
Но все же, черт возьми, приятно сознавать
Всю многозначность слов -
Россия - наша мать.

* * *

1

И этот звон погасших песен,
моих бесчисленных чудес,
возьми себе - я был бесчестен,
но я не лгал и, наконец,
возьми все правды - я рискую,
да все же помню (как сейчас),
как розу красную живую
снимали с грядки напоказ,
как наступило лихолетье,
а я кричал - побудь со мной,
хоть на всю жизнь, хоть на мгновенье,
чтоб мне не слиться с пустотой,
чтоб мне простились эти песни,
чтоб ты осталась, но не я,
когда возьмут меня за лесом
и понесут через поля,
и через бред реинкарнаций -
травы, деревьев - не зверей,
чтоб я не знал цивилизаций
и не бродил среди людей,
а ты, которая живая,

та, что мне пела и была,
останься, только я не знаю -
зачем слова?

2

Вся эта правда черной ночи
меня терзает и уже
глядят внимательные очи,
бьет сердце в грудь, на рубеже,
а я все двери открываю
больным словам - моя беда,
моя, слетевшая из рая,
ты стала утренней, Звезда -
останься здесь - ты им нужнее,
пусть заберут мои слова -
синеет горизонт, синеет,
и под ногами мурава-
трава синеет - скоро утро -
как хорошо на свете жить,
и иногда молчать минуту,
и петь, и говорить.

**ТЕПЛЫЙ
СНЕГ**

* * *

*Если б вольною волей поэта
Я сумел два разорванных света:
Тот и этот - замкнуть на себе.*

Ю. Кузнецов

На краю василькового поля
не осталось от черни следа.
Ты идешь - ни могилы, ни боли,
и родник, и святая вода.
Вот и все, вот и кончились флаги
замыканьем обоих миров.
Оказалось, не много отваги,
знать значение правильных слов.
Да и я - стану сказанным прошлым
на своей беспокойной земле,
и пойду по бескрайней пороше,
и пойду по бескрайней воде.

* * *

А что нам надо?
Встречи наши редки.
Так птицы две, закованные в клетки,
не плачут, не поют -
они молчат.
Готовые в молчаньи открываться
до глубины отчаянья,
до граций,
до чучельных, до граций.
Словно тени,
стоят по клеткам на краю владений
безмолвия Аида, где ничто
имеет то же право, что безмолвье
и бесконечны вспышки темных молний,
и звуков нет,
нет звукоподражаний.
Вселенский мрак
душистый и бескрайний.
Мы смотрим в пол,
мы не хотим конца,
имея за плечами поначалу.
Хоронимся хароновых причалов
в безмолвьи молчаливого гребца.

А что нам надо?
Слов сиюминутных,
накрученных на время,
заплетенных,
тугой веревкой, давящей на горло.
И стороною ветер,
и попутный
погожий день,
и судорогу отъезда.
Облезлый кот шатается облезло
и что-то там мяукает местами.
Ему привычно бремя расставаний
с людьми и шерстью.
Это не смешно
и, в общем-то, не грустно,
просто есть.
Мы тоже протираем нашу шерсть.

А что нам надо?
Нам же не хватает
любви под солнцем,
света или рая.
Нам не хватает их,
что есть не новость.
И мы не знаем края и конца
и что же нужно, чтобы из лица
пробился свет, прорвался светлый образ.

А что нам надо?
Может выпить водки,
потом, с собакой, на дурацкой лодке
куда-нибудь к чертям
и прям на дно.
Исчезнуть, сгинуть, сдохнуть - все одно.
Но
нет, нам нужно плавать по морям
и что-то там искать,
тереться шерстью,
переживать о таинствах пришествий
мессии, бога, ангелов,
любви.
Да что угодно, лишь бы наши дни
текли
в привычном русле сумасшествий.

Проходят дни
жарой, дождями, градом,
а что же надо?..

ИСТОРИЯ ОДНОГО ПОКОЛЕНИЯ

Мы пепси и водку мешали в стаканах.
Мы резали пальцы струной и с перчаток,
себе говорили, счастья не надо,
таскали гитары в потертых футлярах.
Мы плавили стекла, когда Маяковский
все так же звучал в водосточных ноктюрах.
И двери скрипели вечерних подъездов,
и пальцы щипало от свежих порезов.
Дожди и дороги, в парках скамейки -
нам было свободно, а в легких - туманно.
Мы резали руки, мы прошлое рвали,
чтоб красную ткань на кровавые раны.
Нам прошлое мстило, бросая в сегодня.
Разрушенный мир и снова гитары.
Мы вдрызг напивались, но мы выживали
и было плевать на наших тиранов.
Мы знали, кто выше - тот и сильнее.
Мы знали, что знаки отличий - бумажны,
что дикие звери честнее соседей,
но в нашем безверье нам стало не важно.
Куплеты ушли, остались припевы
и то только ночью и только заочно.

Мы тупо увязли в песках философий,
в кругах под глазами и детях побочных.
Теперь мы в «Самсунги» качаем рингтоны.
Мы стали другими - семья и работа,
спиваемся, ставим уколы
и любим домашних животных.

* * *

но невозможно быть, вот так, вверху,
невыносимо долго - там, где рвется,
где принято пронзительно молчать,
когда внизу в окно скребется ветка
какого-нибудь дерева, хоть той же сливы,
растущей под окном, и бесится потом,
когда наступит осень
в беседке, в чашке из-под кофе,
или в стакане с недопитым чаем.
и дело даже ведь не в том, что кто-то там вначале
умер,
а в том, что кто-то будет жить,
бесцеремонно рвать и складывать созревшее в ведро,
переживая по другому поводу все то,
что означают сад и осень.
и кто, чего или с кого там спросит
за этот грохот ведер и за этот шум,
ему все это совершенно ни к чему -
он будет проговаривать слова вдобавок к тишине,
как будто бы вас два, точнее - двое -
один по ту, другой по эту сторону окна,
как белых два пятна в стекле.

а ты, который там, вверху,
где невозможно быть - ты все же будешь
стоять, пронзительно звенеть молчаньем
про сад, про то, что сливы синие висят
в саду, где кто-то умер, там, вначале.
и если есть на свете тишина,
то все стихи останутся прологом,
стихи, которые рифмуются с дорогой
и с богом одинаково легко,
когда внизу, в окно,
в то самое окно скребутся ветки, и наступит осень.
и если нас о чем-то спросят,
то все, о чем не стыдно будет рассказать,
так это только то, когда пришлось молчать,
молчать, молчать.

* * *

И что ж, пространства, звезды и миры -
Смешалось все, и голова не помнит,
Где я, где ты, в конце концов, где мы?
И отчего на небе вспышки молний?
Да нет, все это будто ерунда
На первый взгляд, но если приглядеться,
То наша жизнь, то наши города
Так хаотично надрывают сердце.
События, сюжеты, времена.
Мелькают люди, лица, разговоры.
И елок новогодних мишура,
И грохот поездов полночных, скорых,
И новые желанья - создавать
Ремиксы, кавер-версии, римейки...
А первая любовь осталась ждать...
Забыта, в тихом парке, на скамейке...

* * *

В косых лучах безличного заката
внимать признаниям меланхолично
извращенной страсти
дряхлающих цивилизаций.
язык империи, задетый разложением.
язык поэтов, тронутый усмешкой и скукой
обожравшихся питонов,
что греются на ядерных отходах и грезят
о высокой красоте.
ведь, без сомнения, ромашки, васильки, фиалки
и даже надоевшие всем розы -
прекрасные цветы,
что не растут в удушливом гудроне
многоэтажных пирамид капитализма.
в гниющей почве взбитой многословьем
растут цветы продажных идеалов,
любви порочной, жажды приключений
во имя лишних доз адреналина.
слезливый пафос - признак разложения -
животное больное просит Смерти
всего лишь потому, что может быть
Она одна осталась непорочна
и недоступна грязному вандалу.

животный страх конца рождает любопытство
и (парадокс) желание бессмертья.
безумный Шарль Бодлер назвал однажды
цветами зла безумные стихи свои,
тому почти что двести лет минуло,
а воз и ныне там, где был основан

самый первый полис

еще не мега, но уже с цветами.
мир без наркотиков зависим от достатка -
вонючий наркоман ворует деньги
у наркомана, одурманенного властью.
свобода - только быть рабом другого
или - другого я.
да здравствует свобода,
да здравствует разумный человек -
животное, что научилось смеху,
познало вечность и теперь довольно
до одури своим самосознанием.
довольно этого, осталось прыгнуть в Лету,
той самой вечности, смеясь в лицо.

* * *

Как образцы почерка,
складываемые в конверт,
каждый вечер, всего лишь,
подведение черт
руками ли, горизонтом,
ожиданием конца,
где главное не работа,
а твердость руки писца.
Почерк, отдельный росчерк,
четкость теней на столе,
где дни, конечно, короче,
если ближе к зиме,
а ты - важен, как возраст,
выстроенный в ряд,
с заданной несерьезностью
расцарапанных парт,
коленок и стен подъезда,
где плюс, дающий равно,
математически честно,
вцарапанный под окном,
больше грядущих судеб,
то есть - всегда мечта.

На домашней посуде,
расставленной по местам,
в ряд обеда и ужины
с перспективой вперед
предполагают нужность
в будни и Новый год,
если руки хозяйки
спокойны и гладь лица
не искажают жалкие
выходки подлца.

Так по судьбе тарелок
прослеживается судьба,
где слово еще не дело,
а иногда - мольба,
или с музейной витрины
прошлого экспонат
из обожженной глины
с перспективой назад.

Но наши письма короче,
словно с горы прогресс.
Ограниченность строчек -
письменность СМС,
где время не круг, но ряд,
с заданным алгоритмом,
где видимость райских врат
непроходима бытом.

И ты, подводя итоги,
радуешься тому,
что обманул немногих,
вписываясь в судьбу.

* * *

И если бьется что-то там, в груди, не уставая,
похожее на птиц, на поезда, на время,
то этой крови, этого тепла,
то этой нитевидной трели,
то света этого достаточно вполне.
А что там устает, так это только голос,
и руки устают, и плечи.
Не смейте говорить, что время лечит
на этой, все же радостной, земле.

И потому я, так же, как и все,
дышу, с тобой в автобусах катаюсь.
Ну, а когда растаю,
переплавлюсь
в какой-нибудь воде, траве, росе,
то все равно вот здесь останусь жить,
со всей своей судьбой и правдой.
И даже если буду знать, что никому не надо
ни этой правды и ни этих птиц,
то кто мне запретит здесь быть водой хотя бы
или расти травой, и падать сверху вниз.

И я дышу, по-взрослому, до дна, серьезно,
как никогда не падал, не дышал.

И я вдыхаю этот тонкий воздух,
закатный, звонкий воздух, как металл.
И говорю, о чем тут говорить - совсем не стоит,
особенно, всем тем, кому и без того комфортно
и тепло.

А что меня здесь держит,
ну, кроме света, кроме теплой крови -
да больше ничего.
Да. Больше ничего.

ДВА ВЗГЛЯДА, С УЧАСТИЕМ БАЛКОНА

1

Наблюдая с балкона
Расширение перспективы
Взгляда вдаль
В индустриальном масштабе
Видишь: осенью гарь
На районы давит,
Утром и вечером - холод,
И луж разливы.

Выбравшись
Из-под теплого одеяла,
Босиком вступаешь на бетонность балкона.
Признаешь актуальность чая в половине шестого,
Сразу жизнь
Выжигается до кристаллов.

Если же ночь,
В голове только муть и вата.
Двигаешь стул,
Садишься к оконной раме,

Самолеты летают,
Самолеты меж звезд мигают,
А пониже -
Темнота и горизонт зубчатый.

2

Я пьянею в самом центре своей квартиры,
раздвигая обзор, когда наблюдаю с балкона
разъяснение многоточия и пунктиров
видом вдаль и ведя с собой разговоры.
А еще есть ты, и мы говорим на русском
языке и верим с тобой в одни приметы.
Для любви ведь всегда найдется полоска узкая -
иногда в стихах, но больше - в твоих предметах.
Посмотри, мы отличаемся, но любовь,

это что-то общее,
и твой плащ мне ближе, чем мир за слепыми окнами.
Все закончится, правда, дорогая моя, хорошая,
и довольно об этом - бумага терпит, но мокнет.

Я пьянею в самом центре своей идиллии,
разнимая в себе верлибр на мелкие части,
понимая, что с псевдонимом, либо новой фамилией
нет гарантии радости, а тем более счастья.

Я брожу между парком и грязным
дворцом культуры,
я себя занимаю мечтой об огромной славе
и пишу стихи, можно сказать, с натуры,
понимая, что я, как все, ограничен часами.

ЗИМНЯЯ КОЛЫБЕЛЬНАЯ

Подождем с тобой немного.
Эти стужи, эти вьюги -
это все такая скука,
это временная скука.

Замечается дорога
снегом теплым и пушистым.
Тише, тише, спать ложится
вся уставшая природа.

Мы зимой не будем громко
говорить о сердца смутах,
будут в трубке телефонной
точно снег ложиться звуки.

С синим пледом и подушкой
забирайся глубже в кресло,
я - в соседнем белой тенью
расскажу ночные песни.

Тише, слышишь, сердце бьется
ровно, тихо и спокойно,

только мягко прикоснется
белый дух своей ладонью.
Спи, моря и океаны,
города, поля и реки,
небо, городские парки -
все укрыто теплым снегом.

* * *

Это больше, чем сон, чем во сне нелюбовь Беатриче
или Данте, что, в сущности, здесь и не важно,

но все же,

остаются всегда после нас только ворохи листьев
и какие-то книги, и маленький ад, и треножник.

А потом я расту разноцветной высокой травой,
обнимаю твои полуголые теплые ноги.

Я тебя оправдаю, единственный злой и живой
и с собой заберу с этой пыльной пустынной дороги.

Набери этот звон, где угодно - в своей голове,
в телефоне, вбегая в автобус, на поиске в Гугле,
потому, как любой человек подобен звезде,
потому, как везде остаются забытые люди.

Да, я к вам, господа, или как вас там лучше назвать,
к сожалению, все мы из мягкого красного мяса,
к сожалению, все мы привыкли чуть-чуть умирать.
К слову, кто-то из вас никогда не дойдет до Парнаса
или как там у вас называется эта страна,
моя вера с цветными глазами в задрипанных
буднях?

Я всегда говорил - важнее внутри тишина -
мои тихие дети, мои бесконечные люди.

Неизменно любой остается - вот с этим - один.

До меня уже было - мы делим постель и тревогу,
только смерть не разделим - ни с кем, никогда -

на двоих,

но мы многое скажем, хотя и не скажем о многом.

Ну, а как там у вас называются звезды и люди?

А я - просто сижу и курю вечерами в окно.

Да, вот так вот, курю вечерами в окно, но
моя Беатриче звенит в разноцветной посуде.

Погоди, человек, давай, помолчим, хоть немного -
что нам, в сущности, смерть - секунда у черной дыры.

Отчего же не петь и руками друг друга не трогать -
что нам, в сущности, смерть,

давай, помолчим, хоть немного,

и, в конце-то концов, зазвеним комком тишины.

МЫСЛИ НА ДОСУГЕ

Сколько хочешь, можешь листать книги,
переходя на «Ты» с временем и пространством,
но ответов нет ни в физике, ни в лирике,
а если и есть, то не отличающиеся постоянством.
Глядя на вещи под разными углами зрения,
расширяя свой кругозор и жизненный опыт;
минимум - ты узнаешь законы падения,
максимум - захлебнешься тоскливой рвотой.
Много вокруг альтруизма и идиотизма,
но преобладают меркантильные интересы,
а жизнь - издевательство над организмом,
если не больше - извращение ума над сердцем.
Пол скрипит, копошатся под ним мыши,
и тоска пробирает жестко, до самого мозга.
Мне не слышно тебя, оттого тебя и не слышно,
что вокруг звучат они - одни отголоски
каких-то чужих, непонятных для слуха песен
на совсем нерусском, неразвитом языке.
Как отметил поэт - наш мир сумасшедше-тесен,
а еще, в нем шевелятся тени на потолке,
изображая собой старинные мифы
о библейском ли, а может - всеобщем рае.

Я остаюсь, запоминаю рифмы,
потом на досуге их вспоминаю.
Тучи плывут по небу, совсем сужая
и так ограниченное представление о бесконечности.
Возможно, мне беспечности не хватает,
но есть вариант другой - отсутствие желчности.
Вторая версия кажется более доказанной,
чувствуя это, мне чаще лают собаки,
хотя я не лаял с ними ни одного раза
и уж тем паче не затевал с ними драки.
Я просто всегда старался не зря думать,
например, о том, сколько впустую уходит времени
в очередях, когда ожидаешь тупо
у кабинета какой-то там Марь Сергеевны.
В общем, как-то так постепенно живет
между ненужным делом и нечестным словом
и это тоже, скорее всего, учтется
при вынесении каждому своего приговора.

* * *

Все хорошо - я растворяюсь в небе,
на этот раз совсем, в буквальном смысле.
Поэты, пережившие на время
самих себя и собственные мысли.
Все хорошо - в трамвайных остановках,
в кафе, музеях, ночью, на рассвете -
летит планета глобусом на тонкой
оси, а на земле играют дети.
Все хорошо. И как-то, между прочим
осталось все, накопленное веком,
в каком-то прошлом - цепью ярких точек,
мгновений, где теряли человека.

**ПУТЕШЕСТВИЕ ИЗ ПЕТЕРБУРГА
В ЛОНДОН.
СОН № 3**

Мы засыпали и гуляли в дивной
туманной Англии. Старинный
навешен маятник в старинные часы,
и только свечи
нам освещали черные мосты
и бесконечность
сырых, промозглых, полутемных арок,
то Питер был, но не британский замок,
но там мы тоже не были с тобой.

Сон превращался в явь, она же - в боль.
Вот так, в ассоциации играя
мы проводили время, наблюдая,
как хриплые октябрьские ночи
раскатывали губы до обочин,
проложенных когда-то летним днем,
а день сжимался до случайной вспышки
сознания, окутанного сном,
ведь в снах необходимы передышки.

Потом на нас опять глядели грузно
два сфинкса с невской набережной, грустно
на площади, у Зимнего дворца
белели статуй мраморных сердца.
Санкт-Петербург, дождливый и прекрасный,
мы о тебе скучали не напрасно.

САНКТ-ПЕТЕРБУРГ В КОНТЕКСТЕ.

СОН № 7

За стеклами сегодня промокает ночь
и ленинградский отзвук коммунизма
нанизан
на громады небоскребов, низко
плывет дымок от набережных. Прочь
я выхожу, на лоб сдвигаю шляпу:
пальто, перчатки, старый черный зонт.
Сегодня не протягивает лапу
мохнатый пес, но Эдгар По
все так же, как и прежде, от Линор
неотделим, как время от пространства.
И, унижаясь, пробую на вкус позор
от происков мещанства
в самом себе.
И тут же в этом каюсь,
и в собственной душе на дне
ищу какой-то свет,
о камни спотыкаясь...
Прости, Поэт, мы продали аптеку
и по ночам нас донимают тени,
среди которых Ты и даже Ленин,
и что-то там о счастье человека.

Но все-таки Нева закована в гранит -
мы оставляем легкие наброски,
своеобразный, пошлый флирт
с Прекрасной Дамой.
Пьяные подростки
наглеют, как тогда, в семнадцатом матросы,
и грубо шутят и на пол плюют.
Всего то - ночь, огни, слова, вопросы,
почти беззвучный вдалеке салют.

ЦАРСКОСЕЛЬСКИЙ ЛИЦЕЙ.

СОН № 9

Это все не любовь - причитания вьюги.
Ну, давай обозначь меня строфами злыми.
А ты помнишь наш мир в ночном Петербурге
И на темной Неве фонари и мосты, и...
Потом будет поздно, потом будет после.
Я любил твои теплые пальцы на шее.
Я в тебе задыхался и плакал, что поздно.
Что потом будет то, что узнать не успею.
Я курил сигареты, и тонко сжимались
Пальцы на шее теплые, белые.
А я говорил, ну хватит скитаться!
А я говорил, ну что же ты делаешь?
Голоса мне кричали - мы были и видели.
Голоса мне твердили о лирах на ветках -
Царскосельский - ах, Анна Андреевна, видимо,
Вам и не снилось, что мы понаделаем.
А я только пишу, и на горле сжимаются
Твои тонкие белые теплые пальцы.
Ах ты, господи, что же мы все настрадались.
Ах ты, боже мой, сколько же нужно нам каяться.

* * *

я хожу всегда с одним стихотвореньем в кармане
для вас, таких же, как я, обездоленных, одиноких,
которых никто никогда не любил,
либо любил недостаточно сильно.

иначе,

зачем бы вы читали мои стихи.

я скажу вам,

счастливые люди всегда прорастают травой -
золотой, фиолетовой, синей, зеленой - цветной,
потому что землей прорастают несчастные люди
и холмами лежат.

но не плачьте,

мы все хоть немного холмы.

когда вечером, выйдя из дома,

вы заметите Машу Петрову

из соседнего дома, то знайте,

она носит зеленый бюстгальтер.

и Алена, что с вами живет в соседней квартире,

носит синее платье и фиолетовый пояс.

и еще Маргарита, которая сделала пирсинг,

и теперь у нее золотое кольцо -

она вечером слушает регги.

вы запомните это, потому что
счастливые люди всегда прорастают травой
золотой, фиолетовой, синей, зеленой - цветной,
потому что землей прорастают несчастные люди
и холмами лежат на земле
в разноцветной траве.

* * *

если когда-нибудь ты меня все-таки встретишь,
то ты оставайся одна,
потому что тебя
я не хочу потерять.
я не могу потерять тебя даже в стихах.
этот мой страх -
стоять над могильной оградой,
все растеряв и раскинув свободные руки.
воздух обнять,
а потом -
уходить одному
вечером,
через поля.
стрекотанье сверчков слушать у пыльной дороги,
курить сигарету,
уходить от глубокой норы,
черной бездонной норы -
кроличьей ямы,
где ты уснула,
где ты решила остаться свободной,
маленькой девочкой в черной бездонной норе.

нет тебя -
я говорю это вслух -
нет тебя больше.
я ничего не теряю больше,
но эта свобода невыносима -
знаешь, так страшно и так одиноко
здесь ничего не терять.

слушай, слушай удары в груди -
я тебя прижимаю к груди, любимая.
не засыпай никогда в желтой траве,
маленькой девочкой в черной бездонной норе.
не засыпай никогда на холодной земле.
не засыпай
никогда.

КОРАБЛЕКРУШЕНИЕ

Больше ни слова.
Ветер в ладони.
Два корабля
грудью на рифы.
Больше ни слова,
хватит, довольно -
чайки кричат
пародируя грифов.
Больше ни слова.
В точке зенита
вечная пауза,
вечное небо.
Больше ни слова.
Крови пять литров
море глотает,
пряча от ветра.
Больше ни слова.
Синие волны
бьются о скалы
слишком бездонно.
Больше ни слова.
Синие волны,
ветер и небо...
Больше ни слова...

* * *

Там, где возле реки, шелестя, наклоняются ивы,
Где тебя больше нет, то есть, нет насовсем, навсегда -
Там вода, там река, там летят над рекой херувимы -
Утекают их песни, слова - как речная вода.
Почему же так страшно мне это речное журчанье
(Этих маленьких ангелов песни никто не возьмет),
Потому что в стихах после слов остается молчаньем,
Слишком страшным молчаньем,
Речным бесконечным журчаньем -
Все пройдет, да и это, конечно же, тоже пройдет.

КОТЯТА

а если небо нас не осудило,
то люди никогда не скажут правды.
а я уеду, даже если рано,
такой вот весь дурной, непобедимый,
где ни солгать, ни встать и ни уйти,
когда одним непринужденным жестом
срывают сливу спелую и честно
выходят из тоннеля, из сети,
из тела или - что там есть в запасе?
но я же честно говорил - прости,
а потому меня, как в первом классе
простят, поймут и заново раскрасят,
и выпустят мне солнце из груди.

а я любил, как любит человек,
любил друзей, и маму, и тебя.
как глупо все сейчас, как будто снег,
как будто теплый, самый первый снег
или последний снег, или котят
вытаскивают дети из коробки
и пальчиком их гладят между глаз.
и так тепло вокруг, и так неловко
об этом говорить сейчас.

но я же говорю - я пахну сливой,
той самой спелой сливой в сентябре,
что бабушка срывала и любила,
и гладила меня по голове.
а я ее, в последний раз, не гладил
и снег не первым был, а был февраль.
некстати, а оно всегда некстати,
как на дверях с рекламой календарь.

а я любил и честно был несчастным.
пил кофе - но его я не любил,
но, все же, пил - и жил я не напрасно,
хотя бы потому, что просто жил.
и человек ко мне не ходит черный,
а больше милых, добрых, дорогих.
я и сейчас живу и честно помню
и буду помнить ласковых, смешных,
любимых мне людей - котят в коробке.
и там, где будем мы уже одни,
я их достану маленьких и теплых
слепых, смешных, мяукающих, мокрых
и крикну - мама, мама, посмотри.

я и тебя достану, откровенно,
нагую, утром, с розовой щекой,
пушистую от солнечного света,
с запутавшейся в простыне ногой.
и буду долго шарить под диваном,
искать заколки или ободок.

хотя бы потому, что это правда,
немыслимая, радостная правда,
что я тебя любил, как только мог.

вот, снова снег, а я опять про дачу,
точней, про сливы в лапах у котят.
а был ли я, а был ли этот мальчик?
ведь я уеду, так или иначе.
у нас ведь так про это говорят?
да, говорят, чего еще тут скажут,
ну разве что добавят про тоннель.
а я вот не хочу, мне как-то страшно,
сидеть вот с этим самым в голове.
хотя бы потому мы будем каждый,
совсем не мертвый, а наоборот,
на дачах обедаться манной кашей
и елки наряжать под Новый год,
и доставать игрушки из коробок,
и, помните про маленьких котят,
мы побежим мяукать возле елок -
у нас вот так про это говорят!
и сливы тоже будут, да, и сливы,
и бабушка, и мама, и друзья.

вот, что такое значит быть счастливым.
я потому хотя бы был счастливым,
что я как мог всегда любил тебя.

ложится снег на мокрый подоконник.
который час? одиннадцать? пора

ложиться спать - я пью на кухне кофе,
и я курю, и ночь, и до утра
мы будем спать с тобой в одной постели.

как глупо все сейчас, как будто снег,
как будто первый снег заносит двери,
или последний снег заносит двери.
как будто самый главный человек
достал котят пушистых из коробки
и пальчиком их гладит между глаз.
и так тепло вокруг, и так неловко
об этом говорить сейчас.

* * *

Если сможешь, ответь полуночным проспектам,
где дома, напрягаясь, заплачут навзрыд;
дежавю и билеты из детства и лета;
и еще СМС «оплатите кредит».
Ты подумаешь, жаль, я бы мог быть счастливей.
Ты вернешься домой и поймешь, что не жаль.
Все же грусть - это жизнь, даже если в квартире
монитор превратился в китайский фонарь.
В современной поэзии врать потихоньку
стало модно и выгодно, как ни крути.
Мир квадратен и темен, постольку поскольку
каждой точке открыты любые пути.
Из провинции голос шуршащего плена
бесконечных, размокших, асфальтовых трасс
по ночам проливается в макросистему
из объятий и звезд, из законченных фраз.
Я готовлю глинтвейн, режу грудь апельсина,
слышу в плеске вина иностранный акцент.
Смерть логична, хотя, лишь местами красива.
Я живу, значит, смерти практически нет.

ПОСЛЕСЛОВИЕ

КРЕЧЕТ

Если ты хочешь меня найти
в этой промозглой и синей выси,
ты не зови меня, не зови -
ты меня дома одна дождись.
Жизнь эта прибрана - чет и нечет
здесь одинаково равнозначны.
Режет промозглое небо кречет
и не кричит, а о ком-то плачет.
И не звенит, а звонит о ком-то
колокол голоса - бездорожье
в небе безверстовом, безкомнатном
голосу кречета всех дороже.
Не отыскать у него начала
и впереди - ни конца ни края.
Голосом лиры душа живая
плачет так, как раньше кричала -
ты не зови - ты дождись и - хватит.
Режет промозглое небо кречет,
знает, что нет начала и братьев,
нет окончаний - я бесконечен.

* * *

А когда мы вернемся домой,
а когда мы с тобой замолчим -
все, что важным окажется - только столбы,
только вехи в стихотвореньях.
Это вечное небо стрижей
нас накроет за раз с головой,
это небо помашет нам синим платком
в самый солнечный день воскресенья.
А когда мы вернемся домой
и не важно будет кто прав
в нашей вечной любви -
беспокойной, последней, безгрешной;
Ты закроешь глаза, ты уснешь
в одинокой траве, в васильках
окажусь я с тобой бесконечно
печальным и нежным.
А когда мы вернемся с тобой
в этот солнечный яростный день,
где крылатые бабочки,
как лебединые стаи;
Все окажется просто игрой,
слишком страшной, дурацкой игрой,
где булавкой приколоты бабочка
между стихами.

* * *

В январе,
по углам,
недоделанный,
лишь октябрьский посвет луны.
Я сижу,
ничего здесь
не делаю,
я смотрю в необъятность страны.
И скрипят
полуночно
уключины,
по углам - электрический ток.
Спеты песни,
куплеты
разучены,
только чайника слышен свисток.
Собираться,
со свежими
силами
выходить на январский порог.
Прикасаться
к осинам,

к осинам,
а над крышами
магазинов
проводить тебя будет свисток.
И когда
замолкают
все звуки,
в час, когда не скрипит ничего.
Только свист
о бескрайней
разлуке,
об осенней
прозрачной
разлуке
будет слышан от мира сего.

* * *

И эти белые цветы
всего лишь мне у ног упали.
Я знал, что солганная ты
на два мгновенья от печали
остановилась.
Будет дождь
и будет снег, и снова - будет.
Нет, век нас точно не забудет,
но дождь и снег
убьют последние черты,
мы станем вдруг доступны, сразу,
но ты, не побоюсь, но ты,
ты не закончишь, как-то разом
исчезнешь, сгинешь, уплывешь.
Что до людей мне, если в Лету
ты канешь, больше не спасешь
и не пришлешь своих приветов.
Да, я такой же, как и все,
другие, те, что были ране,
меня по утренней росе
всего лишь только солнце ранит,
и снег и дождь меня неймут,

меня тревожат и тиранят,
и ничего не отдадут,
не скажут правды, не поймут
и слов моих не разбирают.
Я жду, я жду тебя везде,
всегда, во всем, на самом деле
и если суждено звезде
гореть и плавиться в себе,
и отражаться на воде,
то я уйду в конце недели,
и это будет - воскресенье.

СОДЕРЖАНИЕ

На пути слова (<i>А. Зуев, Ю. Романова, Е. Октябрь, Ю. Нифонтова, С. Мансков, А. Куликов</i>).....	5
--	---

ЛЮБОВЬ... ЧТО ЭТО?

«Вот, после дождя я вернусь, обязательно, светлый и тихий...»	10
«Если ты эти черные ночи...»	11
«И под ногой хрустящий снег...».....	12
«Но отсюда не выйти, не вырваться и не убежать...»	13
«Быть культурным, не значит скучным...» ..	15
«Только ты или я - здесь останется это не важным...»	16
«А я тону во всех своих стихах...»	17
«Расстегнув временные пряжки...»	18
«Голоса станционных прибытий...».....	20
«в твое отсутствие...»	21
«Уходить - не заставить...»	23
«Как плачет осенним тополем...»	24
«Осенний мутный час щербатый...»	25
«В ладонях росчерки судьбы...»	26
Париж глазами вечности	27
«Покидая пределы тюрьмы...»	28
«За все, за все тебя благодарю...»	29
«Вот, напротив меня только ты, и я...»	34
«Подожди, между прочим, мы просто устали...»	35

Драматизм.....	37
«Нам дано: по краям разлететься...»	39
«Храня тепло, рука летит...»	40
«Три глотка через тоненький край...»	42

И ЭТОТ ЗВОН ПОГАСШИХ ПЕСЕН...

«На острие иглы пуховый ангел...»	44
Эссеизмы	46
«Даже эти газеты, что криво прилипли к стеклам...»	49
«И от Малой Олонской рукою подать до Речного...»	51
«Темнота между сосен...»	52
«Вот снег, первый снег - двадцатое октября...»	54
«Солнце мое, зачем же ты встало...»	55
«И это Болдинская осень...»	57
«И этот звон погасших песен...»	59

ТЕПЛЫЙ СНЕГ

«На краю василькового поля...»	62
«А что нам надо?...»	63
История одного поколения.....	66
«но невозможно быть, вот так, вверху...»	68
«И что ж, пространства, звезды и миры...» ..	70
«В косых лучах безличного заката...»	71
«Как образцы почерка...»	73
«И если бьется что-то там, в груди, не уставая...»	76
Два взгляда, с участием балкона.....	78
Зимняя колыбельная	80
«Это больше, чем сон, чем во сне нелюбовь Беатриче...»	82
Мысли на досуге	84
«Все хорошо - я растворяюсь в небе...»	86

Путешествие из Петербурга в Лондон.	
Сон № 3.....	87
Санкт-Петербург в контексте. Сон № 7	89
Царскосельский лицей. Сон № 9	91
«я хожу всегда с одним стихотвореньем в кармане...»	92
«если когда-нибудь ты меня все-таки встретишь...»	94
Кораблекрушение	96
«Там, где возле реки, шелестя, наклоняются ивы...»	97
Котята.....	98
«Если сможешь, ответь полуночным просpekтам...»	102

ПОСЛЕСЛОВИЕ

Кречет.....	104
«А когда мы вернемся домой...»	105
«В январе...»	106
«И эти белые цветы...»	108

Иван Юрьевич Образцов

ЗА ГРАНЬЮ ГЛАЗ

Оформление В. Котеленца

Редактор А. Зуев

Технический редактор Г. Заркова

Верстка Н. Алексеева

Подписано в печать 30.10.2012 г. Формат 70х100/32.

Гарнитура PetersburgС. Бумага офсетная. Печать офсетная.

Усл.-печ. л. 4,54. Тираж экз. Заказ № .

ОАО «ИПП «Алтай». 656043, г. Барнаул, ул. Короленко, 105.